

Великопостная молитва – преподобного Ефрема? Несколько наблюдений о меняющейся текстуальной традиции

(выступление епископа Сакраментского Иринея, второго викария Западно-Американской епархии, на IV международной патристической конференции "Преподобный Ефрем Сирий и его духовное наследие", прошедшей в Общецерковной аспирантуре и докторантуре имени равноапостольных Кирилла и Мефодия 27-29 апреля 2017 г.)

Вступление

Мне бы хотелось сделать нечто, возможно, немного необычное в моем выступлении на этой конференции по прп. Ефрему. А именно, я хотел был посмотреть на святого и на один текст, носящий его имя (даже хотя многие отбрасывают его как не принадлежащий ему) в контексте его литургического назначения в православном богослужении.

Вообще, мы, трудящиеся в областях святоотеческой науки, склонны быть «оригиналами» в ориентации наших исследований: мы фокусируемся на изначальных контекстах святоотеческих источников, на происхождении их трудов и на среде, в которой их тексты были созданы, а также, что важно, на наследии влияния, оставленного каждым на основе передачи документов, текстуальных редакций, более широких влияний и т.д. Мы склонны гораздо меньше прикасаться к чему-либо, что целенаправленно уводит исследований святоотеческого источника от тех конкретных исторических сред, и мы еще более агрессивно сторонимся наследий, оставленных спустя много того времени, когда святоотеческий источник жил и писал.

Но дело в том, что для православного христианства, прп. Ефрем Сирий (или, по крайней мере, «личность» прп. Ефрема) известен и, как правило, встречается прежде всего в исключительно литургической обстановке и, по большей части, в великопостной, которая – со старейшими обычаями сегодняшней великопостной традиции, восходящей ко времени не раньше IX века и, по большей части, ко времени с XI по XIII вв. – помещает ее в некоторых случаях на полное тысячелетие после жизни святого. Прп. Ефрем науки остается в значительной степени неизвестен широким массам (хотя несколько публикаций добились статуса популярных¹). Но прп. Ефрем Великого поста – знакомый почти исключительно по краткой молитве, носящей его имя, но, как почти все считают, на самом деле написанной не им – является почитаемой частью святоотеческого литургического наследия, занимающего центральное место в живой православной традиции.

В надежде, что большинство наших коллег в эти дни сосредоточится на конкретном прп. Ефреме истории, мне бы хотелось уделить несколько минут традиции прп. Ефрема с литургической точки зрения, рассматривая то, что должно быть одной из самых известных молитв, относимых к конкретному автору во всей православной гимнографии.

«Великопостная молитва прп. Ефрема»

Особенно мне хотелось бы сосредоточиться на двух традициях знаменитой великопостной молитвы, в частности потому, что она представляет «школу» или наследие ефремовой духовности, и на том, как по-разному приносилось свидетельство о нем по мере того, как Церковь существенно модифицировала эту молитву в истории.

Хорошо известно, что приписываемая прп. Ефрему молитва, о которой я говорю, известная по большей части как «Великопостная молитва», занимающая центральное место в богослужениях Великого поста по будням, не встречается в сирийском корпусе прп. Ефрема, и во всех ее известных видах датируется периодом развития общежительного монашества более поздним, чем современным Ефрему.² Конечно, для многих этого достаточно, чтобы

---

¹ Возможно, самыми известными томами в общих областях являются «Гимны о рае» прп. Ефрема и в гораздо большей степени выборка, составленная прп. Феофаном Затворником «Духовный псалтырь» или «Размышления о Боге» - оба получившие широкое распространение в народе.

² См. Fr Ephrem Lash, 'The Greek Writings Attributed to Saint Ephrem the Syrian', in J. Behr, A. Louth, D. Conomos (eds.), Abba: The Tradition of Orthodoxy in the West – Festschrift for Bishop Kallistos Ware (Crestwood, NY: St

вычеркнуть дискуссию о молитве из ефремовых трудов вообще, исходя из того, что невозможно доказать ее принадлежность его перу вообще. Однако, Церковь настойчиво приписывает ее авторство Ефрему так, как она часто делает с гимнографией в целом: настаивая на прямом отнесении текста его руке, но как на части «полученного наследия» святого, соответствующей его писаниям, духу и аскетическому богословию.³ Сабайтский Типикон – безусловно не первый текст, приводящий прп. Ефрема как источника молитвы; и это утверждается в богослужбниках православия по сей день, а также в современных святоотеческих и богословских источниках.

Именно отнесение этой молитвы Ефрему делает ее текстовые варианты интересным предметом изучения. Молитва в том виде, в котором она получена сегодня в греческом и церковно-славянском переводах, отличается в каждом. Хотя варьирование обычно считается просто привлечением альтернативных терминов, данных одному из пороков («праздное любопытство» [*περιεργίας*] по-гречески и «уныние» по-славянски), сама история славянского перевода на самом деле гораздо сложнее и отражает интересную вторую традицию этой молитвы в общем обиходе до середины XVII века – традицию, которая может быть на самом деле более убедительным продуктом ефремова происхождения.

Ключом к пониманию вариантов между последовательным греческим текстом и меняющимися видами славянского и к ясности в том, как они на самом деле говорят об авторстве молитвы, лежит в монашеском контексте жизни и внимания прп. Ефрема. Именно когда мы видим в Великопостной молитве не работу общей покаянной трезвости (даже если она может быть использована как таковая в *euchologia* Церкви в целом), но конкретно продукт монашеской среды, сосредоточенный на традиционных искушениях монашеской аскетической борьбы, текстуальная история молитвы начинает приобретать смысл.

Греческий перевод

Если начать с общеизвестной версии, которая положила начало основным формам, используемым в большинстве английских переводов, то вот стандартный текст молитвы прп. Ефреме в греческом Молитвеннике (на который есть ссылка в издании Ассемани):

Κύριε καὶ Δέσποτα τῆς ζωῆς μου, πνεῦμα ἀργίας, περιεργίας, φιλαρχίας, καὶ ἀργολογίας μὴ μοι δῶς.

Πνεῦμα δὲ σωφροσύνης, ταπεινοφροσύνης, ὑπομονῆς, καὶ ἀγάπης χάρισάι μοι τῷ σῶ δούλῳ.

Ναί, Κύριε Βασιλεῦ, δώρησαι μοι τοῦ ὁρᾶν τὰ ἐμὰ πταίσματα, καὶ μὴ κατακρίνειν τὸν ἀδελφόν μου, ὅτι εὐλογητὸς εἶ, εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

По-английски он звучит так:

O Lord and Master of my life, give me not a spirit of sloth, idle curiosity, lust for power and idle talk;
But grant unto me, Thy servant, a spirit of chastity, humility, patience and love.

Yea, O Lord and King, grant me to see mine own faults and not to judge my brother; for blessed art
Thou unto the ages of ages. Amen.

(Господи и Владыка жизни моей, не дай мне дух праздности, праздного любопытства, желания власти и празднословия,

Но даруй мне, рабу Твоему, дух целомудрия, смирения, терпения и любви.

Ей, О Господь и Царь, даруй мне увидеть мои прегрешения и не судить брата моего, ибо благословен Ты во веки веков. Аминь.)

В первом прошении я перевел *περιεργίας* как ‘idle curiosity’ («праздное любопытство») – термин, связанный с тем классическим монашеским пороком неразборчивого разума (о котором прп. Ефрем по-разному говорит в его сохранившихся трудах⁴), оставленного без присмотра и потому блуждающего вслед за всяким интересом, поражающим его

Vladimir's Seminary Press, 2003), 81. Он отмечает, что издание книг прп. Ассемани содержит молитву только в форме, встречающейся в греческих молитвенниках.

³ В том же духе, многие в библейской науке хотя и говорят об определенных посланиях Павла в Новом завете как о «Павлианской школе», а не о собственном авторстве Апостола Павла (хотя в случае посланий Апостола Павла, православие не всегда сильно желает согласиться с современной наукой в отрицании прямого авторства Павла.

⁴ О необходимости различать, направленной против неразборчивых действий ума, см. e.g. Nisibene Hymns 15.4; 16.12; Pearl 7.6.

немедленное воображение. В некоторых переводах это слово дается как просто «любопытство», но это несколько теряет нюанс греческого.⁵ Этот термин можно перевести и метафорически как «вмешательство» (на святоотеческом греческом это слово по сути означает «пустое вопрошательство», но иногда относится и к вмешательству к чужие дела). Но, опять же, это выражение вводит в более общий язык то, что в молитве является конкретной монашеской темой: беспечный разум, бросающий вызов спокойствию монаха и имеющий основой присутствие Бога. Прп. Ефрем пишет об опасностях такого «праздного любопытства» в более или менее каждом своем труде.⁶

Во втором прошении иногда комментируется слово σωφροσύνης (которое я перевел как «целомудрие»), а именно, надо ли переводить его согласно другой категории его употребления в классическом греческом как «здоровость», «благоразумие» и т.д. Покойный о. Александр Шмеман была за «whole-mindedness» (целомудрие):

Если не сводить это слово, как часто ошибочно делают, только к его половым значениям, то оно понимается как позитивный ответ на лень. Точный и полный перевод греческого *sofrosini* и русского «целомудрие» должен быть «whole-mindedness». Праздность – это прежде всего рассеянность, отрывочность нашего видения и энергии, неспособность видеть целое. Тогда ее противоположностью будет «wholeness» (целостность). Если мы под целомудрием понимаем добродетель, противоположную половой распущенности, это потому что раздробленный характер нашего существования нигде так не проявляется, как в половой похоти – отчуждении тела от жизни и духовного управления. Христос восстанавливает целостность в нас и делает это восстановлением в нас истинной шкалы ценностей, ведя нас обратно к Богу.⁷

Хотя это поучительный глянец, и о. Александр несомненно прав, говоря, что мы не должны думать о целомудрии исключительно в половых терминах,⁸ перевод σωφροσύνη как «целомудрие» в контексте этой молитвы был бы отрывом его от отчетливо монашеского контекста, где «целомудрие» является одной из главных добродетелей аскетического преображения и одной из общих добродетелей, обсуждаемых в монашеской аскетической литературе. Ведь это одна из триумвирата классических монашеских добродетелей (целомудрие, смирение, послушание) – факт, который приводит ее в согласие с главным вниманием прп. Ефрема в его писаниях⁹ к физическому (а также духовному) целомудрию, даже если этот факт может быть в пользу позднейшей датировки молитвы (так как эти «классические добродетели» монашества не были четко определены в IV веке, когда писал прп. Ефрем).

В последнем прошении, предложение καὶ μὴ κατακρίνειν τὸν ἀδελφόν μου («даруй мне не судить брата моего») иногда переводится на английский переиначенно: «и даруй мне не судить братьев моих и сестер». Но это, опять же, глянец, а не добротное переложение истории или цели молитвы. Особенно в рамках аскетического подхода прп. Ефрема, контекст признания греха, прегрешения и покаяния всегда остается глубоко личным.¹⁰ Этот случай встречается в сирийских писаниях широко, а в текстах прп. Ефрема – особенно. Сведение трудов прп. Ефрема в Псалтырь прп. Ефрема Сирина, проделанное прп. Феофаном Затворником, убедительно свидетельствует о степени, до которой прп. Ефрем

5 Так это, к сожалению, переведено в популярном «Молитвеннике для православных христиан» Свято-Преображенского монастыря.

6 Достаточно только нескольких убедительных примеров. См. Pearl 4.1: «Заблудший глупец грызет веру как бы глазом, всякими вопросами. Ощупывание пальцем ослепляет глаз, и еще больше эта назойливость ослепляет веру». Ср. On Admonition and Repentance 7, 13. О «Единственном голосе истины» и необходимости избегать сплетен и праздного разговора см. e.g. Nisibene Hymns 21.11-13

7 Protopresbyter Alexander Schmemmann, 'The Lenten Prayer of St. Ephrem the Syrian', in Great Lent: Journey to Pascha (Crestwood, NY: St Vladimir's Seminary Press, 1969/1974), p. 36.

8 Об этом я недавно написал несколько вещей 'Traditions of Orthodox Monasticism', мое вступление к Atlas of American Orthodox Christian Monasteries (Holy Cross Orthodox Press; 2nd edn. 2016), 1-10.

9 См. e.g., Nisibene Hymns 15.3, 4; 19.2; 21.4; On Admonition and Repentance 8.

10 См. e.g., его проповедь On Admonition and Repentance 3, 4, 12.

думал, говорил и писал явно от личного первого лица в единственном числе. Это всегда «я» грешник, и я всегда грешу на «тебя» - другого, еще одного, будь то Бог или мой брат. Прп. Ефрем не склонен обобщать человека как «людей»: грех – всегда нарушение общения один-на-один; и покаяние точно так же одного одному.

С богословской точки зрения, в этой молитве $\mu\acute{\eta}\ \mu\omicron\iota\ \delta\acute{\omicron}\varsigma$ («не дай мне...»), наверное, самая интересная фраза. Пожалуй, в том же духе, что и Отец Наш молит Бога *не введи нас в искушение* (Мф. 6:13), греческая форма Великопостной молитвы молит Бога «не дай мне» духа праздности, праздного любопытства, и т.д. В обоих случаях (Молитвы Господней и этой) вопрос в том, почему человек просит Бога не дать что-то, что не может быть понято как Бог когда-либо *даст* это что-то, вызывает интерес комментаторов. В своем «Объяснении Молитвы Господней» прп. Никодим со Святой горы отмечает, что «на основе этих слов, многие неученые и сомневающиеся люди впадают в различные мысли о Боге: что Бог, скажем, вводит нас в искушения».¹¹ Он продолжает это цитатой из Иакова 1:13, 14 (*В искушении никто не говорит: Бог меня искушает*), чтобы показать, что в конечном итоге именно свободная воля человека вводит в искушение, от которого он просит освобождения. Греческая традиция этой молитвы следует тому же подходу и суммирует предписание в первом прошении в тех же терминах: «не дай мне духа праздности», и т.д. Как Молитва Господня просит Бога не вести нас туда, куда мы сами свободно выбираем идти, подстрекаемые диаволом, (но вместо этого избавить нас от лукавого), так и Великопостная молитва в ее греческой редакции молит Бога не дать то, что неподготовленный монах из-за своего непослушания и нетерпения просит поступками своей жизни.¹²

Старейший славянский перевод

Ясность в этом вопросе мольбы Богу о том, чтобы Он не дал то, что Он никогда не дает, кроется в достойных внимания вариантах перевода с греческого в старейших церковно-славянских традициях Великопостной молитвы. В то время как современный славянский перевод ясно отражает греческий текст (черта, к которой я вернусь), старейшие переводы представляют разнообразные, достойные внимания варианты. Ниже следует молитва на церковно-славянском, как она использовалась до реформ Патриарха Никона и до сих пор используется староверами:

Господи и владико животоу моему, духъ оунынїа, небреженїа, сребролюбїа и празднословїа ѿжени ѿ мене.

Духъ же цѣломоудрїа, смиренїа, терпѣнїа и любве даруй ми рабоу твоему.

Ей Господи Царю, даждь ми зрѣти моѧ согрѣшенїа, и еже не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки. Аминь

В буквальном переводе:

O Lord and Master of my life, drive from me the spirit of despondency, carelessness, lust for money and idle talk;

But grant unto me, Thy servant, a spirit of chastity, humility, patience and love.

Yea, O Lord and king, grant me to see mine own faults and not to judge my brother; for blessed art Thou unto the ages. Amen.

¹¹ St Nikodemos, 'Explanation of the Lord's Prayer' §7, in Concerning Frequent Communion; translation in Hieromonk Patapios, Manna from Athos: The Issue of Frequent Communion on the Holy Mountain in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries (Peter Lang, 2006), p. 00.

¹² Отсюда, тот, кто произносит эту молитву, просит Бога не даровать то, чего просит его распушенная жизнь: то есть, монах, живущий лениво, опасно, без подвижничества, своей жизнью просит Бога даровать ему праздность, ибо это то, что ему нравится; но, вернее, в молитве он просит Бога даровать не то, что просит его жизнь, а вместо этого даровать то, что, как он знает, необходимо. Есть параллели у прп. Ефрема в e.g., Hymns on Fasting 1.2.7; 1.8.12; Nisibene Hymns 2.15; 5.2; and особенно 3.8: «Мы знаем, что Благословенный желает не печалей, которые есть во все века; хотя Он принес их, это наши же прегрешения причиняют беды» и 10.16: «Лекарство в том, чтобы я надеялся, это скорбь предписанная; пеленание ран, которого я искал, это горькая беда, которая действует ради меня».

(О Господь и Владыка жизни моей, изгони из меня дух уныния, небрежения, сребролюбия и празднословия.

Даруй же мне, рабу Твоему, дух целомудрия, смирения, терпения и любви.

Ей, О Господи и царь, даруй мне узреть мои согрешения и не судить брата моего, ибо благословен Ты во веки. Аминь.)

Мы сразу видим, что вместо «праздного любопытства» имеем «уныние». Это хорошо известное расхождение между двумя традициями, о которых мы уже говорили. Но гораздо интереснее разница в первом глаголе первого прошения: там, где по-гречески «не дай мне», по-славянски можно перевести как «*вѣжени вѣ мене*» или, как я перевел это более буквально «drive away from me» («изгони из меня»). Здесь слова, кажется, копируют церковно-славянский перевод Псалма 50:11: «и Духа твоего святаго не отими от мене» (*and take not Thy Holy Spirit from me*); хотя, опять же, словарь молитвы более строг. «Отженить» значит не просто «отнять», но «изгнать»; и, таким образом, в этом переводе молитва просит Бога *изгнать* те пороки, которые поражают монаха и особенно монаха в общине. В отличие от образов, напоминающих «не введи нас...» из «Отче наш...», здесь образы отражают изгнание Иисусом менял из Храма (ср. Мк. 11:15; Лк. 19:45), изгнание из места святости того, что извращает его.¹³

Список пороков, которые молитва спросит Бога «изгнать», тоже другой. В нем нет эквивалентов греческого первого предложения, «духа праздности» (πνεῦμα ἀργίας), и славянский немедленно переходит к «духу уныния». Покойный архимандрит Ефрем (Лэш), очень любимый многими в этом зале, отмечал, что славянское оунынїа, вероятно, соответствует греческому ἀκηδία – «чисто монашескому пороку», регулярно встречающемуся в аскетическом корпусе.¹⁴ Далее, там, где в греческом «властолюбие» (φιλαρχίας), в славянском – более специфическое «сребролюбїа».

Заключительная фраза третьего прошения, исповедующая благость Божию «во веки», тоже отличается от греческого, где написано «во веки веков» (εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων). Это не только знаменательно по своему праву, но становится впечатляющим при изучении позднейших славянских переводов молитвы просто как свидетельство о масштабе, в котором молитва со временем модифицируется в попытке привести славянский в более близкое соответствие с греческим переводом.

Однако, из этого раннего славянского перевода в своем праве видно, что два различные традиции молитвы существовали до реформ XVII века. Расхождения между греческим и славянским переводами – это не просто вопрос терминологических сдвигов или переводческих проблем между двумя языками: они представляют собой знаменательные варианты, что касается их прошений против пороков и, конечно, в терминах пороков, о которых они говорят. Обе традиции представляют монашеские рамки развития, хотя с различными акцентами и классификациями пороков, прямо касающихся общежительных монахов. Интересно – и притом при расследованном факте двух традиций – что древняя церковно-славянская форма молитвы во многом более близка к аскетическому языку и образам прп. Ефрема, чем греческая. Греческая версия говорит в широких терминах так, как прп. Ефрем не делает, в то время как славянская версия подчеркивает монашеские пороки, которые хочет выделить Ефрем.

Исправленный перевод киевского Служебника 1639 года

Старая славянская форма молитвы, представляющая со всей очевидностью отличительную традицию своего принятия, оставалась в обиходе до никонианских реформ, несмотря на обновления в процессе развития языка. Киевский Служебник 1639

¹³ См. Язык прп. Ефрема о Боге «изгоняющем» или «выбрасывающем» пороки и боли в e.g., Nisibene Hymns 1.7; 3.9. Cf. On Admonition and Repentance 7, где он использует похожий язык собственной потребности человека «выбросить» страсти из себя.

¹⁴ Archim. Ephrem (Lash), 'The Greek Writings Attributed to Saint Ephrem the Syrian', p. 82.

года представляет собой «усовершенствованную» версию молитвы в ее старой славянской традиции, учитывая грамматические и орфографические сдвиги в языке, при этом оставаясь верной отличительной традиции старых славянских текстов. Он предшествует служебникам, выпущенным Патриархом Никоном, на более чем два десятилетия и таким образом выявляет степень, до которой его ревизия знаменует драматическую перемену в молитве. Версия 1639 года гласит:

Господи и владыко живота моего, духъ оунынїа, небреженїа, любоначалїа и празднословїа ѿжени ѿ мене.

Духъ же цѣломоудрїа, смиренномоудрїа, терпѣнїа и любве, даруй ми рабоу твоему.

Ей Господи Царю, даждь ми зрѣти моа согрѣшенїа, и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь.

По-английски:

O Lord and Master of my life, drive from me the spirit of despondency, carelessness, lust for power and idle talk;

But grant unto me, Thy servant, a spirit of chastity, humility, patience and love.

Yea, O Lord and King, grant me to see mine own faults and not to judge my brother; for blessed art Thou unto the ages of ages. Amen.

(О Господь и Владыка жизни моей, изгони из меня дух уныния, небрежения, любоначала и празднословия.)

Но даруй же мне, рабу Твоему, дух целомудрия, смирения, терпения и любви.

Ей, О Господи и Царь, даруй мне узреть мои согрешения и не судить брата моего, ибо благословен Ты во веки веков. Аминь.)

Большинство изменений незначительное, отражающее в основном развитие в грамматике. Но есть заметная вариация в первом прощении, где в старо-славянском «сребролюбие» (сребролюбїа) стало «любоначалием» (любоначалїа), вторя более общей терминологии греческого. В последнем прощении, изменился также конец благословения. Старое «во веки» (во вѣки) стало «во веки веков» (во вѣки вѣковъ). Что это? – Попытка зеркально отразить греческий или просто привести конец в соответствие с более распространенной литургической традицией – неясно (благословение в конце – это в любом случае позднейшее добавление к самой молитве; это стандартное заключение, имеющее мало связи с самой молитвой).

Однако, если не считать этих незначительных изменений, молитва по сути остается той же, что старая славянская версия. Она испрашивает Бога «изгнать из меня» перечисляемые пороки, которые, как и в старой версии, включают «уныние», а не «праздное любопытство» и не включают праздность.

Славянский перевод служебников 1656 года Патриарха Никона

Эта преемственность с более древним славянским переводом рельефно отражает изменения, внесенные спустя лишь семнадцать лет. Реформы литургических текстов Патриарха Никона в России тщательно изучаются, то восхваляются, то оплакиваются: и время не позволяет им поглотить нас здесь. Достаточно сказать, что, вообще говоря, он хотел привести славянские литургические тексты во всё возможное соответствие с греческими аналогами. И это именно то, о чем свидетельствуется в молитве прп. Ефрема в том виде, в каком она содержится в служебниках, вышедших при патриаршестве Никона в 1656 году:

Господи и владыко живота моего, духъ праздности, оунынїа, любоначалїа и празднословїа не даждь ми.

Духъ же цѣломоудрїа, смиренномоудрїа, терпѣнїа и любве, даруй ми рабоу твоему.

Ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моа прегрѣшенїа, и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь.

В переводе на английский эта версия молитвы звучит поразительно похоже на греческую версию, точно так как хотел Патриарх Никон:

O Lord and Master of my life, give me not a spirit of sloth, despondency, lust for power and idle talk;

But grant unto me, Thy servant, a spirit of chastity, humility, patience and love.

Yea, O Lord and King, grant me to see mine own faults and not to judge my brother; for blessed art Thou unto the ages of ages. Amen.

Единственное остающееся отклонение от греческого текста – это самый знаменитый вариант первого прошения: между греческим «праздным любопытством» (περιεργίας) и славянским «унынием» (оунынїа). Последний выбор остался от предыдущих славянских изданий, но был передвинут так, чтобы «праздность» можно было вставить сразу после «духъ», тем самым начиная список пороков с «духа праздности...», как в греческом, чего никогда не было до того в славянском. Прежнее предпочтение славянского перевода просить о том, чтобы Бог «изгнал [это] из меня», теперь уступило место греческому «не дай мне» (что отражено в новом переводе «не даждь ми»).

Выводы

Мне хотелось бы предложить ряд заключений, которые можно извлечь из этих наблюдений по текстуальной истории Великопостной молитвы.

Первое и самое очевидное, что результат никонианской редакции состоял в преобразовании молитвы на церковно-славянском в то, что по сути зеркально отражает молитву на греческом, за исключением единственного слова оунынїа. Этот перевод остался *en force* поныне, и эта версия известна верующим сегодня. Но в желании соответствия между славянским и греческим утрачено *отличительно другая традиция молитвы*, представленная в более ранних славянских изданиях. Вариации между этими двумя версиями могли бы сегодня выражаться как просто «другой нюанс» одного слова, а не как два разных – хотя ни в коем случае не без связи – подхода к покаянному рефрену, приписываемому прп. Ефрему.

Второй вывод связан именно с этим авторством молитвы Ефрему. Я пока не смог проследить дальнейшие детали истории происхождения ранней славянской формы Великопостной молитвы – и я не уверен, что это будет возможно проследить, пока не найдены более ранние славянские документы, а также, возможно, позднейшие сирийские. Интересные вопросы остаются без ответа. Откуда пришел старо-славянский? Греческий довольно древний, хотя, наверное, не такой древний, как сам прп. Ефрем; но славянское зеркало греческого, относительно говоря, почти современное. Какая традиция служит основой для довольно отчетливых расхождений в молитве, когда она изначально вошла в практику русского православия? Была ли это сирийская текстуальная традиция, ныне утраченная? Другая «ветвь» ефремовой «школы»? Что-то совсем другое?

Эти вопросы, возможно, трудные или даже невозможные для ответа в настоящее время, но мне представляется важным то, что старо-славянская форма Великопостной молитвы звучит во многом гораздо больше как прп. Ефрем, чем греческая и сегодняшняя славянская версии. Признать, что сребролюбие, очень характерное (больше, чем более общее «любоначалие»), является стойким монашеским пороком; говорить о том, чтобы Бог действительно «изгнал» зло из непослушного сердца; признать «уныние» первым среди искушений, выпавшем на долю подвижников – все это фразеологические обороты, и богословско-аскетические принципы, которые звучат чрезвычайно близкими сохранившимся трудам корпуса прп. Ефрема. Несомненно, нет достаточного свидетельства, чтобы утверждать, что старославянское издание Великопостной молитвы представляет собой что-либо близкое к автографу самого святого, не более, чем мы могли бы сказать это о греческом, но я действительно чувствую, что старославянская форма представляет собой сильный аргумент в пользу ясного влияния Ефрема, что действует в поддержку Церкви в ее литургическом отнесении молитвы к его прямому наследию.

В меняющихся текстуальных традициях этой молитвы есть свидетельство в поддержку, по крайней мере частично, идеи о том, что прп. Ефрем церковной литургической традиции и прп. Ефрем науки не могут быть настолько разными, насколько мы иногда полагаем.